

Глава 1

Лондон, Англия

Июнь 1741 г.

Капитан Джеймс Тревельон, в недавнем прошлом служивший в Четвертом драгунском полку, был человеком неробкого десятка: выслеживал разбойников в трущобах прихода Сент-Джайлз, охотился на контрабандистов в скалах Дувра и охранял виселицы в Тайберне в самый разгар мятежа, — но до сегодняшнего дня никак не предполагал, что опасность может грозить прямо на Бонд-стрит.

Была среда, стоял солнечный полдень, и на Бонд-стрит съехался весь модный Лондон, желавший потратить состояние на наряды и побрякушки и пребывавший в блаженном неведении насчет возможного разбойного нападения.

Как, собственно, и подопечная Тревельона.

— Сверток от Фертлеби у вас? — спросила леди Феба Баттен.

Леди Феба, сестра герцога Уэйкфилда, пухленькая, обезоруживающе хорошенькая, была совершенно слепой, поэтому ее рука лежала сейчас на локте левой руки Тревельона. Задача капитана была охранять леди Фебу, помогать передвигаться в пространстве.

— Нет, миледи, — рассеянно ответил Тревельон, наблюдая за одним — нет, тремя — грозного вида верзилами, которые направлялись прямо к ним сквозь разодетую толпу.

Щеку одного из них уродовал шрам, второй щеголял огненно-рыжей шевелюрой, а у третьего, казалось, вовсе не было лба. Все трое, в одежде рабочих, были здесь явно не к месту, и это ничего хорошего не сулило — их алчущие взгляды были прикованы к его подопечной.

Интересно. До сегодняшнего дня его задачей было в основном не дать леди Фебе заблудиться. Более серьезные опасности ее драгоценной особе не грозили.

Тяжело опираясь на трость в правой руке, Тревельон бросил взгляд назад. Прекрасно. Вот и четвертый бандит.

Он почувствовал, что в нем нарастает мрачная решимость.

— Видите ли, кружево было исключительно тонкое, — продолжала леди Феба. — И по особой цене, которую я, несомненно, больше нигде не встречу, и, если я забыла его в одном из магазинов, куда мы с вами заходили, я буду очень расстроена, очень!

— В самом деле?

Ближайший бандит — тот, у которого не было лба, — прижимал к боку... что? Нож? Пистолет? Тревельон перехватил трость левой рукой, а в правой сжал собственный пистолет, один из тех двух, что покоились в кобурах на ремнях из черной кожи, препоясывавших крест-накрест его грудь. Его правая нога запротестовала, внезапно лишившись опоры.

Два выстрела, четверо мужчин. Шансы так себе.

— Да, — ответила леди Феба. — И мистер Фертлеби заботливо сообщил мне, что кружево было изготов-

лено кузнечиками, которые сплетают крылышки для бабочек на острове Мэн. Другого такого нет в целом свете!

— Я вас слушаю, миледи, — пробормотал Тревельон, когда первый бандит оттолкнул в сторону пожилого франта в громоздком белом парике.

С бранью франт потряс сморщенным кулачком, но бандит даже головы не повернул.

— В самом деле? — мило осведомилась она. — Потому что...

Бандит вскинул руку с пистолетом, и Тревельон выстрелил ему прямо в грудь. Леди Феба стиснула локоть Тревельона.

— Что?..

Две дамы и франт вскрикнули, трое остальных бандитов бросились бежать... в их сторону.

— Держитесь за меня, — посоветовал Тревельон, быстро оглядываясь вокруг: одному не одолеть троих, ведь у него в запасе остался всего один выстрел.

— А что, по-вашему, я делаю сейчас? — недовольно спросила леди Феба.

Краем глаза он заметил, что ее нижняя губа оттопырена, точно у малого дитяти, и едва сдержал улыбку.

— Налево. Быстро!

Он направил ее в указанном направлении, и его правую ногу пронзила адская боль. Еще не хватало, чтобы эта чертова нога его подвела! Он сунул первый пистолет в кобуру и вытащил второй.

— Вы в кого-то там стреляли? — спросила леди Феба, когда ее на бегу грубо толкнула какая-то визжащая матрона.

Она споткнулась и упала на Тревельона, и он левой рукой обхватил ее узенькие плечи, плотнее прижимая к себе. Охваченная паникой толпа так и напирала, отчего им было трудно продвигаться вперед.

— Да, миледи.

Ага. На дороге в паре шагов от них мальчишка держал поводья тощего мерина гнедой масти. Лошадь тревожно сверкала белками глаз, ноздри широко раздувались, но при звуке выстрела не понесла, что было добрым знаком.

— А зачем? — Ее лицо было обращено к Тревельону, и теплое дыхание обдавало подбородок.

— Мне показалось это забавным, — хмуро ответил Тревельон, оглянувшись назад.

Два бандита: тот, что со шрамом, и второй — не могли пробиться сквозь толпу вопящих светских дам, зато рыжеволосый решительно орудовал локтями, прокладывая себе путь — прямо в их сторону.

Мерзавцы. Но он не даст им до нее добраться.

— Вы его убили? — с живейшим интересом спросила леди Феба.

— Возможно.

Они добрались-таки до лошади и мальчишки. Мерин повел головой, когда Тревельон схватил стремя, но не взбрыкнул. Хорошая лошадка.

— Полезайте.

— Куда?

— На коня, — буркнул Тревельон и, подняв ее руку, хлопнул ладонью о седло.

— Ай! — воскликнул мальчишка.

Леди Феба была дамочкой сообразительной: нащупала стремя и сунула в него ножку. Тревельон решительно обхватил ее роскошный зад и толкнул вверх, забрасывая леди в седло.

— Уф! — Она крепко ухватилась за шею лошади, но испуганной отнюдь не казалась.

— Спасибо, — бросил Тревельон сквозь зубы мальчишке, который вытаращил глаза, заметив в его свободной руке пистолет.

Бросив трость, он неуклюже плюхнулся в седло позади своей подопечной, вырвал поводья из руки мальчишки и, с пистолетом в правой руке, левой обнял леди за талию и крепко прижал к своей груди.

Рыжеволосый бандит подскочил к лошади и протянул было руку, пытаясь ухватиться за узду: его губы сложились в омерзительную ухмылку, — но Тревельон выстрелил ему прямо в лицо.

В толпе завопили, лошадь едва не встала на дыбы, отчего леди Фебу опрокинуло прямо на Тревельона, однако он вонзил колени в бок животного, пуская в галоп, и заодно засунул пистолет назад в кобуру.

Пусть в пешем строю он калека, но в седле — сам дьявол.

— И этого вы тоже убили? — вскрикнула леди Феба, когда они увернулись от телеги.

Ее шляпка слетела, и светло-каштановые локоны щекотали губы.

Она была жива и невредима, вот что важно. Остальное пустяки.

— Да, миледи, — тихо сказал он ей на ухо, сухо и почти безразлично, ведь леди вовсе не обязательно знать, как он волнуется, когда держит ее в объятиях.

— Вот и хорошо.

Он подался вперед, вдыхая аромат розы, который источали ее волосы — аромат невинный и запретный, — и прищпорил коня, пуская галопом сквозь самое сердце Лондона.

И в этот момент леди Феба откинулась назад и расмеялась навстречу ветру, уронив голову на плечо капитану Тревельону, — очень неприличная поза — чувствуя, как ветер обдаёт лицо и как ходит ходуном спина лошади. Она даже не отдавала себе отчета в том, что смеется, пока собственный смех — радостный и беззаботный — не поразил ее слух.

— Вы смеетесь над смертью, миледи?

От этого кислого тона даже легкокрылый эльф почувствовал бы себя так, будто у него на ногах кандалы, однако за последние полгода Феба привыкла к мрачному голосу капитана Тревельона и научилась игнорировать и голос, и самого капитана... то есть более или менее игнорировать.

— Я смеюсь, потому что последний раз скакала верхом много лет назад, — ответила Феба с легчайшим оттенком укоризны. Она всего лишь человеческое существо, если на то пошло. — И не позволю вам внушить мне чувство ложной вины и испортить впечатление: в конце концов, его убили вы, а не я.

Тревельон фыркнул, а конь тем временем обогнул угол и им с капитаном пришлось наклониться в едином порыве. Она чувствовала спиной, какая широкая и сильная у него грудь, а ремни с пистолетами служили напоминанием, что он не остановится ни перед чем, если понадобится. Феба услышала возмущенный крик — лошадь неслась, не разбирая дороги — и едва не рассмеялась. Да, вообще-то капитан действовал на нее раздражающе, зато не было сомнений: в обиду ее не даст, — хоть она ему не очень-то и нравится.

— Он хотел причинить вам вред, миледи, — ответил Тревельон сухим, как пыль, тоном, и его рука сильнее сжала ее талию, потому что в этот момент коню пришлось перепрыгивать через какое-то препятствие.

Ах, это мгновенное ощущение пустоты в животе, словно она вдруг сделалась невесомой, глухой стук копыт, снова коснувшихся земли, и движение мощных мускулов лошадиной спины! Феба не преувеличила, когда сказала капитану, что не наслаждалась скачкой долгие годы. Она не была слепа с рождения. Пока ей не исполнилось двенадцать, все было в порядке — она даже

очков не носила! Сейчас она уже не помнила, когда это началось: просто однажды все стало расплываться перед глазами, а яркий свет начал причинять резкую боль. Тогда казалось, не из-за чего тревожиться, зато теперь, в возрасте двадцати одного года, она совершенно ничего не видела почти два года. То есть могла различить смутный силуэт против очень яркого света, однако в серый пасмурный день, как сегодня, ничего: ни птицы в небе, ни отдельного лепестка в цветке розы, ни ногтей на собственной руке — хоть тычь ею прямо в лицо. Ничего этого она больше не видела, лишившись заодно многих простых удовольствий жизни, — например, удовольствия от верховой езды.

Она держалась за жесткую гриву коня, наслаждаясь уверенными действиями капитана Тревельона. Его непринужденное мастерство обращения с лошадьми ее нисколько не удивляло: ведь он был драгуном, конным воином, и часто сопровождал свою подопечную в ее походах ни свет ни заря в конюшни Уэйкфилда.

Вокруг них гремела обычная, никогда не стихавшая какофония Лондона: стук колес карет и телег, топот тысяч ног, журчание голосов, набравших громкость в песне или споре. Кто-то покупал или продавал, а кто-то воровал, торговцы расхваливали товар, вопили малые дети, звонко цокали копыта пронесившихся мимо лошадей, колокола церковей отбивали часы, получасы, а иногда даже четверти часа.

Они продвигались вперед, и отовсюду раздавались раздраженные крики. Галоп — не слишком подходящий способ передвижения для Лондона, а судя по тому, как ходили под ними мускулы лошадиной спины и внезапно менялись направления, Тревельону то и дело приходилось уворачиваться от транспорта и прочих уличных препятствий.

Повернув голову, она вдохнула поглубже. От капитана ничем не пахло: разве что порой ей случалось уловить запах кофе или слабый лошадиный дух, но ничего больше.

Это было досадно.

— Где мы сейчас?

Должно быть, ее губы оказались в неприличной близости от его щеки, однако видеть его она решительно никак не могла. Она знала, что он хромает на правую ногу, что ее макушка достает ему до подбородка, что у него твердые мозоли между средним и безымянным пальцами левой руки, но вот как выглядит капитан, Феба и понятия не имела.

— Разве не поняли еще, чем пахнет, миледи?

Она слегка повела головой, приносясь, и сразу же наморщила носик, ощутив вонь рыбы, сточной канавы и гнили.

— Темза? А почему вы выбрали эту дорогу?

— Хочу убедиться, что они нас не преследуют, миледи, — ответил он невозмутимо.

Иногда Феба задавалась вопросом: как отреагировал бы капитан Тревельон, если бы она залепила ему пощечину? Или, к примеру, вздумала поцеловать? Куда бы подевалась его выдержка, которая просто сводила ее с ума?

Не то чтобы она и правда хотела поцеловать этого типа. Вот ужас-то! Наверное, у него губы холодные, как у скумбрии.

— Неужели они побежали бы за нами так далеко? — засомневалась Феба.

Теперь, когда у нее было время подумать, все случившееся показалось ей совершенно невероятным: на них напали не где-нибудь, а на Бонд-стрит! Запоздало вспомнила она и о кружеве и опечалилась утратой замечательной покупки.

— Не знаю, миледи, — ответил капитан Тревельон, умудрившись казаться одновременно и снисходительным, и безразличным. — Вот почему я выбрал столь неожиданный маршрут.

Она крепче ухватилась за гриву лошади.

— Хорошо. А как они выглядели — те, которые на меня напали?

— Ничего необычного: разбойники, грабители, бандиты...

— Наверное, вот и объяснение, — не вполне уверенно предположила девушка. — То есть им все равно, кого грабить, не обязательно именно меня.

— На Бонд-стрит? Среди бела дня? — Его голос был лишен какой-либо интонации, но все-таки она услышала сомнение.

Феба с досадой вздохнула. Лошадь успела перейти с галопа на спокойный ход, и она погладила шею животного. Пальцы ощутили гладкость и маслянистый налет на шерстке, послышалось довольное фырканье.

— Я все равно не могу понять, чего они хотели.

— Похищение ради выкупа, ограбление — зачем долго думать, миледи? В конце концов, вы сестра одного из самых богатых и могущественных пэров Англии.

Феба наморщила носик.

— Капитан Тревельон, вам кто-нибудь говорил, что вы излишне прямолинейны?

— Только вы, миледи. — Похоже, он повернул голову: она почувствовала его дыхание, слегка отдававшее кофе, на своем виске. — По самым разным поводам.

— Что же, позвольте пополнить этот список. Где мы сейчас?

— Приближаемся к Уэйкфилд-хаусу, миледи.

Услышав его слова Феба вдруг осознала весь ужас положения: Максимум! — и тут же принялась причитать.

— О-о! Вы знаете, мой брат сегодня ужасно занят! Нужно же заручиться поддержкой, чтобы принять тот новый акт...

— Сейчас парламент не заседает.

— Иногда на это уходят месяцы, — заметила она с серьезным видом. — Это очень важно! И... и еще наводнение в йоркширском поместье. Не сомневаюсь, что из-за него брат лег спать лишь под утро. Это ведь в Йоркшире? Или в Нортамберленде? Никак не могу запомнить: они оба так далеко на севере. В любом случае, я думаю, нам нельзя его беспокоить.

— Миледи, — с типично мужским упрямством, не допускающим возражений, заявил капитан Тревельон, — я должен проводить вас до комнаты, где вы сможете прийти в себя...

— Я же не ребенок! — с вызовом воскликнула Феба.

— ...и выпить чаю.

— Может, еще и каши поесть? Так я ее с детства ненавижу.

— А затем я предоставлю отчет о сегодняшних событиях его светлости, — закончил Тревельон, пропустив ее возражения мимо ушей.

Именно этому Феба и пыталась воспрепятствовать. Когда Максимус узнает о сегодняшнем приключении, у него будет повод ввести еще больше ограничений, и она сомневалась, что сумеет сохранить рассудок, если такое случится.

— Иногда я вас просто ненавижу, капитан Тревельон.

— Искренне рад, что не всегда, миледи, — сказал он спокойно и остановил коня, пробормотав что-то одобрительное послушному животному.

Беда! Должно быть, они уже в Уэйкфилд-хаусе.

В последней отчаянной попытке она схватила его руку, зажав между своими маленькими ладонями.

— Неужели так уж необходимо ему все рассказывать? Мне бы так не хотелось. Пожалуйста! Ради меня!

Глупо, конечно, его уговаривать: похоже, этому типу безразличны все вокруг, не только она, — но положение у нее было отчаянным.

— Прошу прощения, миледи, — сказал Тревельон совершенно спокойно, — но я работаю на вашего брата и не стану уклоняться от исполнения долга, утаивая от него столь важные сведения.

Он высвободил руку, и теперь ее пальцы хватили воздух.

— Ну что же, если это ваш долг, — начала Феба, не скрывая обиды в голосе, — тогда не стану вам препятствовать.

С самого начала глупо было на что-то надеяться. Ей следовало бы помнить, что капитан Тревельон черств как сухарь, чтобы тронуть его мольбами, взывая к состраданию, коего у него, похоже, вовсе не имелось.

Он не обратил внимания на ее обиду и велел, словно бестолковой собачонке:

— Оставайтесь здесь.

Она почувствовала отсутствие тепла его тела: значит, он спешился, — потом услышала запоздалое:

— Миледи.

Она фыркнула, однако подчинилась, поскольку не была такой уж дурочкой, каковой он ее, кажется, считал.

— Кэ-эп! — Голос принадлежал лакею Риду, которого взяли на работу совсем недавно: парень то и дело сбивался на акцент лондонского простонародья, когда спешил.

— Приведите Хатуэя и Грина, — приказал капитан Тревельон.

Феба услышала, как лакей куда-то помчался — вероятно, назад в Уэйкфилд-хаус, — потом раздались возбужденные мужские голоса и опять шаги то тут, то там.

Все это сбивало с толку. Она сидела на лошади в весьма затруднительном положении, поскольку не могла спешиться, но вдруг поняла, что почему-то не слышит голоса Тревельона. Похоже, ее провожатый уже вошел в дом.

— Капитан?

Лошадь под ней переступила с ноги на ногу, пятясь назад, и Феба, чтобы не свалиться, вцепилась в гриву. Теперь ей стало страшно.

— Капитан?

— Я здесь, — раздался его голос откуда-то снизу, от ее колена. — И никуда не уходил, можете не волноваться, миледи.

Ее затопила волна облегчения, но тон ее был резким:

— Отлично, но я не могу вас видеть, поэтому должна ощущать ваш запах.

— Как вонь от Темзы? — Она почувствовала крупные руки Тревельона на своей талии, уверенные и осторожные, которые снимали ее с седла. — Вообще-то я бы предпочел не вонять рыбой ради того, чтобы вы могли меня унюхать.

— Не надо утрировать: речь о чем-то именно вашем — одеколон пришелся бы кстати.

— Я нахожу, что благоухать пачули столь же отвратительно, миледи, как вонять рыбой.

— Только не пачули. Это должно быть что-то более уместное для мужчины, — сказала Феба, обращаясь мыслями к духам и связанным с ними возможностям, едва очутившись на земле. — Может быть, что-то горьковатое, с ароматом дерева, кожи, дыма...

— Как скажете, миледи, — учтиво, но с некоторым сомнением согласился капитан.

Тревельон обнял ее за плечи одной рукой: наверное, в другой у него был один из этих ужасных огромных пистолетов, — и Феба почувствовала, как он слегка пошатнул-

ся. Похоже, он потерял свою трость. Вот черт! Ему нельзя ходить без нее: нога причиняла ему ужасные страдания.

— Феба! Что случилось?

О боже! Кузина Батильда Пиклвуд.

Потом раздался пронзительный лай и топот лап, прежде чем Феба почувствовала, как Миньон, любимый крохотный спаниель кузины, повис на ее юбках.

— Миньон, назад! — окрикнула песика Батильда, потом раздался глубокий голос Тревельона:

— Если позволите, я провожу миледи в дом, мэм.

Чтобы кузина Батильда не тревожилась понапрасну, Феба сказала, когда они стали взбираться по ступеням парадной лестницы Уэйкфилд-хауса:

— Я в полном порядке, а вот капитан Тревельон потерял свою трость. Надо бы поскорее найти ей замену.

— Что... — вмешался было Рид, но капитан, не обращая внимания ни на Фебу, ни на ее кузину, рывкнул:

— Немедленно проводите леди Фебу в ее покои и оставайтесь с ней вплоть до моих дальнейших распоряжений. Это относится и к Хатуэю.

— Да, сэр.

— О-о, бога ради! — воскликнула Феба, когда они преодолели порог и Миньон вдруг начал возбужденно тявкать. — Вряд ли мне понадобятся двое слуг...

— Миледи! — суровым тоном оборвал ее Тревельон.

О, она хорошо знала этот тон! А потом посреди всеобщей суматохи раздался баритон, от которого по ее спине поползли ледяные мурашки ужаса.

— Какого черта здесь происходит? — поинтересовался ее брат, Максимус Баттен, герцог Уэйкфилд.

Высокий и худощавый, с длинным, изборожденным морщинами лицом, герцог Уэйкфилд нес свой титул, как кто-нибудь другой мог бы нести меч: вроде как иг-